М. В. Муратов.

Духоборцы в Восточной Сибири в первой половине XIX века.

ИРКУТСК

1923

Духоборцы давно уже привлекают к себе внимание русского общества. Смелое учение о церкви, отказы от военной службы, наконец, сделанная ими в конце прошлого века грандиозная попытка перестроить всю свою жизнь на началах уничтожения частной собственности в своей среде — все это выделяет духоборцев из числа других русских сектантов.

Но для научного исследования этой секты сделано еще очень мало. В частности почти ничего не сделано для изучения духоборчества в Сибири, куда Духоборцы ссылались за свою веру и где они пытались распространять свои убеждения. Теперь, когда секретные дела правительственных учреждений стали доступны для изучения, можно выяснить хотя бы некоторые эпизоды из истории духоборцев в Сибири.

Тяжелые условия переживаемого времени делают кропотливую архивную работу особенно трудной, но все же, ценою некоторых усилий, возможно ее вести.

Результатом такой работы является и помещаемое ниже небольшое исследование, Оно написано на основании секретных дел бывшего архива канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири [1]) и архива

[1]) Дела эти в настоящее время хранятся и Центральном Архиве в Сибири.

иркутской духовной консистории. Последний архив не имеет описи, и автору, может быть, не пришлось бы найти некоторые нужные дела, если бы его работа была

единоличной. Но ему удалось привлечь к ней своих слушательниц, студенток государственного иркутского университета, и вместе с ними разобрать в архиве часть неописанных дел. Таким образом, помещаемая ниже работа написана на основании материалов, отчасти найденных при помощи студенчества, и автор считает нужным это отметить[1]).

История секты духоборцев изучена очень мало и очень неравномерно: мы имеем довольно много материалов, относящихся к концу девятнадцатого века, и плохо осведомлены о положении духоборцев в первой половине этого столетия. Те скудные сведения, которые мы имеем об этом периоде, касаются, глазным образом, духоборцев, переселившихся в начале царствования Александра I, в Мелитопольский уезд Таврической губернии на Молочные Воды, где им была предоставлена возможность устроиться обособленно от остального населения и по своему построить внутреннюю жизнь, своей общины, почти не испытывая вмешательства со стороны власти. На Молочных Водах сосредоточилась большая часть духоборцев, здесь находился их вождь Савелий Капустин и наиболее влиятельные старики, тут окончательно сложилось их вероучение и определился их своеобразный общественно бытовой уклад

Тем не менее при изучении истории духоборцев, нельзя забывать о том, что не все духоборцы имели в это время возможность переселиться на Молочные Воды: некоторые остались на месте прежнего жительства, преимущественно, в Тамбовской, Воронежской и

[1]) В предварительной работе в связи с поисками архивных материалов, предпринятой летом и осенью 1921 года, принимали участие студентки: Л. Ф. Ескевич, А. М. Попова, Н. В. Соколова, М. М. Трофимова и Т. И. Фатсева.

Харьковской губерниях, другие за свою веру отбывали ссылку на севере России и в Сибири. Духоборцы, сосланные на север России, главным образом, в Кольский округ Архангельской губернии и в Выборгскую губернию, в конце концов, с разрешения Александра I, смогли вернуться из ссылки и присоединиться к своим единоверцам, жившим на Молочных Водах. В худшем положении оказались духоборцы, находившиеся в Сибири; отчасти вследствие отдаленности Сибири, отчасти по некоторым иным причинам, лишь часть духоборцев, сосланных в Сибирь, получила возможность оттуда возвратиться. Другие должны были остаться в Сибири навсегда.

В царствование Николая 1 дальнейшее переселение на Молочные Воды было прекращено, ссылка же в Сибирь продолжалась: 10 апреля 1826 года был издан указ, по которому помещичьи крестьяне, вступившие в секту духоборцев, отдавались в

военную службу, а в случае неспособности к ней ссылались в Сибирь на поселение. Правда, вскоре после того сектантов вообще, а духоборцев в частности, стали ссылать преимущественно в Закавказье, но все же отдельные духоборцы ссылались и в Сибирь, куда отправлялись, по крайней мере, те из них, которые бывали присуждаемы к каторжным работам.

Было бы интересно выяснить положение духоборцев в Сибири и особенно установить, в какой мере сохраняли они в ссылке то религиозное воодушевление, второе заставило их открыто порвать связь с православием, пытались ли они проповедовать свои убеждения и имели ли успех эти попытки среди местного вселения. К сожалению, однако, в литературе можно найти лишь крайне скудные сведения о духоборцах в Сибири и для того, чтобы, хотя бы до некоторой степени ответить на этот вопрос, приходится обратиться к изучению архивных материалов.

О духоборцах, находившихся в Сибири в царствование Александра I, имеются известия в двух проше-

ниях, поданных Александру I в 1818 и 1819 годах их единоверцами, жившими на Молочных Водах[1]), затем, в очень беглых и в научном отношении совершены неудовлетворительно обработанных небольших заметках написанных Ливановым [2]), и, наконец, в очерке Селиванова, в котором излагаются некоторые сведения о духоборцах, взятые из одного дела, хранящегося архиве генерал-губернатора Западной Сибири[3]). Этим исчерпывается почти весь тот скудный печатный материал, которым можно воспользоваться.

На основании этих источников мы не имеем возможности даже приблизительно определить число духоборцев, находившихся в ссылке в Сибири к началу девятнадцатого века. Известно, что в последние годы царствования Екатерины II и при Павле I, духоборцы ссылались неоднократно, но, по большей части, в Динамидскую крепость и в Екатеринбург, хотя, по-видимому, и в то время бывали случаи ссылки за Урал. С воцарением Александра I, духоборцы были возвращаемы из ссылки, однако, по-видимому, не все они могли воспользоваться этим. По крайней мере, известно, что в 1805 году духоборцы, сосланные в 1800 году в Екатеринбург в количестве 33 душ обоего пола для разработки рудников из Перекопского уезда просили разрешения переселиться на Молочные Воды, но получили отказ. Ввиду отдаленности места их ссылки, переселение их признано было затруднительным, и им было предложено выбрать себе подходящие земли в Сибири[4]). У нас, однако, нет сведений о том, где они поселились. Через два года духоборцы снова привлекают к себе внимание власти: в 1807 году он производят «возмутительные действия явным разглашением своих толков» и сибирскому генерал-губерна-

[1]) Напечатаны у Ливанова. Раскольники и острожники, СПБ, 1873, т. IV, стр. 350.
[2]) Там же, т. II. стр. 643, т. III, стр. 538, т. IV, стр. 486.
[3]) Материалы для истории русского сектантства. Дело о духоборцах, находящихся в Сибири в 1817—1820 г. Рязань, 1897 г.
[4]) П. С. З., т. XXVIII, № 21845.

тору предписывается духоборцев, годных к военной службе, отдать в солдаты, негодных до сорокалетнего возраста отправить в нерченские рудники, а стариков — в Селенгинский соляной завод[1]). Поданное в 1810 году духоборцами, жившими на Молочных Водах, ходатайство о переселении к ним этих их единомышленников было отклонено[2]).

Духоборцы, о которых идет речь в этих известиях, были сосланы, по-видимому, еще до воцарения Александра I, однако, и при нем, несмотря на неоднократно делавшиеся им заявления в духе веротерпимости, духоборцы нередко ссылались в Сибирь за отпадение от православия и совращение других, причем в некоторых случаях ссылка сопровождалась телесным наказанием.

В поданном духоборцами Александру I в 1818 году при его проезде через Молочные Воды прошении были перечислены 15 человек, находившиеся в Сибири и сосланные туда сравнительно недавно из разных губерний России, о возвращении которых ходатайствовали духоборцы. На этот раз просьба их была удовлетворена почти полностью, причем при выполнении соответствующего приказа выяснилось любопытное обстоятельство: не все указанные в списке духоборцы были найдены, но зато было отыскано довольно много духоборцев, сосланных за свои религиозные убеждения, но в этом списке не названных. Таких лиц поименно известно 12 человек [3]), в том числе Осип Матросов и Иван Ковалев, о которых будет итти речь дальше, но имеется указание, что кроме них на Молочные Воды были отправлены и другие.

Однако, кроме этих духоборцев, возвращенных в 1818 году, в Сибири имелись и другие. По крайней мере, в дополнительном прошении, аналогичном по

[1]) П. С. З., т. XXIX, № 22571.
[2]) О. Новицкий. Духоборцы. Киев, 1882 г., стр. 68.
[3]) Материалы для истории русского сектантства. Рязань, 1897 г., стр. 5.

содержанию, поданном в 1819 году, указано еще пять духоборцев, находившихся в ссылке в Сибири, в том числе Иван Терентьев, Мартын Козодоев и Василий

Кудрявцев, о которых еще придется говорить ниже при изложении архивных материалов. Из этих пяти человек получили разрешение возвратиться из ссылки лишь двое — Таврические крестьяне братья Шалимовы — однако, на самом деле они не смогли вернуться. Есть известие, что один из Шалимовых вместе с несколькими другими духоборцами, в 1825 году опять ходатайствовал о разрешении переселиться на Молочные Воды, но прошение его не было удовлетворено. [1])

Итак, общее количество ссыльных духоборцев, находившихся в Сибири в царствование Александра I, пока не может быть точно установлено, но несомненно, что оно равнялось, по крайней мере, нескольким десяткам человек, при чем значительная часть их была возвращена в Россию в 1818 году. Мы видели, что уже в 1807 году возникло дело о духоборческой проповеди в Сибири в результате которого, по указу Александра I, некоторые были отданы в солдаты, а другие отправлены в работу на заводы. Однако, эти меры наказания не остановили духоборцев.

При удовлетворении ходатайства духоборцев, живших на Молочных Водах, о переселении их единоверцев из Сибири к ним, оказалось, что в числе названных ими лиц имеется крестьянин Андрей Перов, сосланный в Туруханский край, но являющийся уроженцем Сибири. После наведения справок выяснилось, что Перов, крестьянин Артемьев и вдова Замятина, — жители села Лодейного Красноярского округа, — приняли от ссыльных духоборцев их вероучение, и в 1812 году были судимы томским уголовным судом вместе с их семействами. На суде они говорили о том что отрицают таинство причастия, обряды и поклоне-

[1]) Ливанов, т. IV, стр. 487.

ние иконам, причем, между прочим, крестьянин Артемьев заявил, что „иконы мешают его мыслям, когда воссылает Богу молитвы сердцем и духом". [1])

Постановление суда было довольно своеобразно: приведя выписку из самых разных законов, начиная с воинского артикула Петра Великого, которым предписывалось богохульников, в зависимости от степени их вины, наказывать заточением, шпицрутенами или „аркибузировать", т. е. расстреливать, и, кончая указами Александра I от 30 мая 1801 года и 29 марта 1800 года, написанными в духе веротерпимости, суд положил в основание своего решения воинский артикул и приговорил обвиняемых к ссылке в Туруханский край, при чем мужчины должны были быть предварительно наказаны пятьюдесятью, а женщины — сорока ударами плетей. В связи с ходатайством духоборцев, живших на Молочных Водах, началась затяжная канцелярская переписка о том, следует ли Перова и других духоборцев, сибирских уроженцев, пересылать на Молочные Воды, и, несмотря на выраженное ими желание туда переселиться, в конце концов, в 1820 году министр внутренних дел распорядился

оставить их в Туруханском крае, так как ввиду далекого расстояния переселение это произвести затруднительно.

Далее имеются сведения, что возвращенный в 1818 году из ссылки духоборец Иван Ковалев, находившийся на поселении в Мухоршибирской волости Верхнеудинского округа, обратил в духоборчество пять человек местных крестьян и крестьянок. Отпадение их от церкви сделалось известно власти уже после от'езда Ковалева; они остались тверды при увещаниях и подлежали суду, но, по распоряжению М. М Сперанского, бывшего тогда генерал-губернатором Сибири, их оставили в покое, так как сами они никого не обращали в духоборчество.

Наконец, в 1819 году возникло дело о двух кре-

---

[1]) Материалы для истории сектантства, Рязань, 1897 г. стр. 6.

стьянах Красноярского округа, отказавшихся от участия в расходах по построению церковной ограды, как духоборцы. При следствии выяснилось, что они обратились в духоборчество, благодаря томскому мещанину Бурнашеву, который на следствии об'явил, что он еще три года назад принял это вероучение от ссыльных духоборцев, которых было в волости 14 человек. Со своей стороны Бурнашев подал прошение на имя М. М. Сперанского, в котором просил переселить его на Молочные Воды, так как он «придерживается внутреннего духовного вероисповедания» и в секте духоборцев «желает пробыть до конца своей жизни» [1]). Вместе с тем томский губернатор донес Сперанскому о том, что среди находящихся в этой волости добровольно переселившихся с Кавказа поселенцев оказалось 19 человек, отступивших от православия по научению Бурнашева, причем двое из них требовали в волостном правлении, чтобы их записали духоборцами, и в доказательство того, что не почитают иконы, разбили принесенный с собою образ Божьей Матери. Далее оказалось, что духоборцы из числа кавказских переселенцев, в количестве уже 46 человек обоего пола, отказались от того, что бы из своей среды дать выбранного обществом на должность рассыльного, и не хотели уплачивать наложенный на них лишний денежный сбор, причем одним из их представителей, подавших по этому поводу заявление томскому губернатору, был тот же Федор Бурнашев. Находя деятельность Бурнашева вредной местные власти с разрешения Александра I выслали его в апреле 1820 года в Иркутскую губернию.

О дальнейшей судьбе красноярских духоборцев сведений нет, и трудно вывести из этого дела определенное заключение. Можно, однако, высказать предположение, что вряд ли те 46 человек, о которых говорится в оффициальных донесениях, были обраще-

---

[1]) Там же.

ны в духоборчество Бурнашевым, который сам не так давно примкнул к этой секте, и является вопрос, не были ли они духоборцами уже на Кавказе, где в то время, по некоторым данным, уже имелись последователи этой секты. Если такое предположение подтвердилось бы, мы имели бы перед собой один из тех случаев добровольного переселения в Сибирь сектантов, которые впоследствии бывали неоднократно.

Итак, если не считать глухого оффициального упоминания о ссыльных духоборцах, „разглашавших свои толки" и наказанных за это в 1807 году, мы имеем в печатных источниках три определенных указания на случаи обращения в духоборчество местных сибирских жителей в царствование Александра I: дело вновь обращенных (Перова и других), возникшее в 1812 году в Красноярской губ., дело пяти человек в Верхнеудинском округе, обращенных духоборцем Ковалевым, возникшее в 1819-20 г.г. и дело томского мещанина Бурнашева с его единомышленниками, крестьянами жителями Красноярского округа[1]).

Дела, хранящиеся в архиве иркутской духовной консистории и в центральном архиве Восточной Сибири, позволяют несколько расширить круг наших сведений о духоборческой проповеди в Сибири

Федор Бурнашев, как было уже сказано, был выслан за распространение духоборчества административным порядком из Красноярского округа в Иркутскую губернию в апреле 1820 года. Прошло около двух лет и в иркутской духовной консистории возникло дело о распространении им духоборчества в Иркутской гу-

[1]) Кроме того, Ливанов («Раскольники и острожники», т. II, стр. 640) сообщает, будто в 1810-14 году в Иркутске духоборец А. Ракитин энергично распространял свое учение, насчитывая в это время до 150 последователей. Однако, хранящееся в Архиве Иркутской Духовной Консистории „Дело об отвержении ссыльным А. Ракитиным с товарищами от православной веры" (Д. 4-го ст. за 1814 г. № 17) позволяет думать, что он отнюдь не был духоборцем.

бернии. Дело это, заключающее в себе 103 листа дошло до нас в полной сохранности.[1])

В нем содержатся рапорт благочинного свящ. Харлампия Попова иркутскому епископу Михаилу о поступившем к нему донесении священника слободы Мальты Амвросова относительно совращения в духоборчество Бурнашевым нескольких человек, переписка между консисторией и различными административными и

судебными учреждениями по поводу этого обвинения, следственное производство иркутского уездного земского суда, резолюции окружного суда, духовной консистории и иркутского губернатора.

Для выяснения сущности дела особое значение имеет следственное производство уездного земского Суда, в котором имеются показания обвиняемых и свидетелей, данные повального обыска и вещественные доказательства: письмо Федора Бурнашева к посельщику Ивану Дмитриеву и тетрадка с выписками из библии, принадлежавшая Ивану Дмитриеву.

Как видно из указанных материалов, дело возникло по инициативе священника мальтийской церкви Амвросова, обратившегося в октябре 1822 года к благочинному с рапортом, в котором он писал, что, согласно донесению пропитанного Ивана Гусевского, живший у него летом этого года в Мальтийской слободе именующий себя „сибирской духоборец", пропитанный Федор Бурнашев, безуспешно пытался совратить его в духоборческую ересь, но сумел обратить в духоборчество посельщика Ивана Дмитриева и мальтийского крестьянина Петра Верещагина, которые, свою очередь, отвратили от православия двух других мальтийских крестьян Семена Перевалова и Дмитрия Семенова.

К рапорту приложена копия письма, написанного Бурнашевым Ивану Дмитриеву и отобранного при обыске, который произвел священник Амвросов вме-

---

[1]) Архив Иркутской Духовной Консистории. Дело о распространении беспоповской секты пропитанным Бурнашевым. Дела 4 ст. за 1822 г., № 115.

сте со старшиною у Ивана Дмитриева. Одновременно священник Амвросов обратился в Бадайское волостное правление с предложением дать делу законный ход. После того, как призванные в волостное правление Иван Дмитриев, Петр Верещагин, Семен Перевалов и Дмитрий Семенов, подтвердили, что они не желают принадлежать к православной церкви, их заключили под стражу, и Бадайское волостное правление послало соответствующее донесение в земский суд. Со своей стороны, епископ Михаил, получив рапорт благочинного, обратился к губернатору, который предписан земскому суду начать следствие по этому делу.

Таким образом, дело возникает по почину духовенства, но затем ведется административными и судебными властями.

На следствии подавший донос Иван Гусевский подтвердил свое заявление, показавши, что живший у него летом этого года Федор Бурнашев „называл себя духоборцем и признавал равным с богом, отвращал от того, чтобы не почитать никакие святые иконы и не молиться им по вере, христианской или православия, называя оные простым деревом, и крестом, знаменующим святую троицу, не молиться, предания и

обряды грекороссийской восточной святой церкви не почитать и отвергать" [1]).

Кроме того, по словам Гусевского, Бурнашев, уговаривая его принять духоборчество, обещал ему дать „Давидов ключ", при помощи которого он сможет все разуметь и знать грамоту, даже не учась. Далее, подтверждая, что пропитанный Иван Дмитриев принял духоборчество, он показал, что не знает, совращал ли Бурнашев еще кого-нибудь, хотя и замечал, что крестьяне Петр Верещагин, Семен Перевалов и Дмитрий Семенов тоже примкнули к секте духоборцев.

Бурнашев был допрошен по поводу этого показания и относительно письма, которое было найдено

[1]) Там же, л. 20.

у Ивана Дмитриева. Письмо это, приложенное к делу, для нас интересно, между прочим, потому, что Бурнашев писал его, конечно, не имея ввиду, что оно по падет в руки посторонних людей, и от того оно является для него особенно характерным. Письмо это было такого содержания:

„Любезный Иванушка, свидетельствую тебе низкий поклон, так и равным образом с братцем с Иванушкой, и желаю тебе прибыть в Новый Иерусалим, всегда говорить с Богом самим. Утверждай себя внутренней веры Божией исповедание, будь тверд, непоколебим, вооружайся словом Божиим, иди в суд со обличением, не страшись страху антихристова. Идя со славою, крепись, мужайся во век века. А что касается, получил ваши гостинец. Дателя Бог любит. Всякий дар есть да просвещен от Бога. Еще уведомляю вас, кобылку никому не продавай, я хочу купить. Юзник Христов, сибирской духоборец, Федор Бурнашев. Октябрь 16-го". [1])

На допросе Бурнашев показал, что ему 29 лет и что он сослан за духоборчество без суда из Томской губернии в Иркутскую, где приписался к Биликтуйской слободе Бадайской волости. В слободе Мальта, у Гусевского, он, действительно, жил в течении месяца. занимаясь сапожным ремеслом, но в духоборчество его обращать не старался и о Давидовом ключе ничего ему не говорил.

Точно также отрицал он обвинение в совращения в духоборчество крестьян, привлеченных к следствию. Относительно Ивана Дмитриева Бурнашев показал, что не знает, принимал он духоборчество или нет. Письмо свое Бурнашев, по его словам, действительно написал Ивану Дмитриеву, „братец Иванушка", от имени которого он передавал поклон Ивану Дмитриеву, духоборец пропитанный Иван Терентьев, с которым он в Биликтуйской слободе живет в одном доме „по

[1]) Там же, л. 40.

той причине, как они по секте своей духоборческой должны исполнять равенственное," [1])

Относительно образных выражений, имеющихся в письме, Бурнашев показал, что это не что иное, как „притчи по исповеданию духоборческому", на которые Иван Дмитриев должен был ответить, если бы их понял. Вместе с тем Бурнашев пояснил некоторые места в своем письме.

Под именем „Нового Иерусалима", по его словам. разумел он „небесное царство", под словами „внутреннее исповедание веры" — „истинное познание Бога, Христа Спасителя мира, словом его должен вооружаться каждый исповедующий писание" — не должно итти в суд без страха антихристова, а надо бояться „убийственных греховных претерплений". Гостинец, который послал ему Иван Дмитриев, заключался в десятке веретешек для прядения. В заключение Бурнашев об'яснил свою подпись — он назвался под письмом к Дмитриеву „юзник Христов": „называться именем сим может всякий, исполняющий святое писание с полной точностью и страдающий за слово Божие.." Подписал свое показание Бурнашев также характерным образом: „сибирской духоборец Федор Бурнашев руку приложил." [2])

Анализируя это показание Федора Бурнашева, написанное им письмо, и то, что говорил о Бурнашеве во время следствия Иван Гусевский, можно отметить несколько характерных деталей. „Ключ Давидов", который по словам Гусевского обещал ему дать Федор Бурнашев, не подтвердивший, однако, это показание, не что иное, как символ, взятый из Апокалипсиса [3]) и встречающийся в некоторых псалмах духоборцев [4]). Знание истины — правильное понимание веры, которое и не грамотного делает как бы грамот-

---

[1]) Там же, л. 30.
[2]) Там же, л. 31.
[3]) Откровение св. Иоанна, гл. 3, ст. 7.
[4]) Животная книга духоборцев, пс. 73 и 114, СПб., 1909 г. стр. 97.

ным — так можно об'яснить это выражение. Надо думать, что Бурнашев действительно говорил об этом „ключе" со своим квартирным хозяином, так как иначе трудно понять, каким образом тот смог бы пред'явить ему это обвинение.

Такое же символическое значение имеет и выражение „Новый Иерусалим". Оно также взято из Апокалипсиса [1]), и очень часто встречается в духоборческих псалмах, где имеет различное значение: царства правды, куда должен итти каждый верующий,

истинной церкви, к которой принадлежат подлинные христиане и т. д. Слова Гусевского о том, что Бурнашев равнял себя с Богом, вероятно, надо понимать в том смысле, что Бурнашев, согласно с духоборческим учением, говорил, что в душе каждого человека живет Дух Божий.

Далее любопытно отметить показание Бурнашева, что он живет в одном доме с ссыльным духоборцем Иваном Терентьевым, повидимому, имея с ним все поровну и полагая, что этого требует духоборческое учение. Иван Терентьев был один из тех духоборцев, о возвращении которых ходатайствовали тщетно в 1819 году духоборцы, жившие на Молочных Водах. В Сибирь он был сослан после наказания кнутом и вырезывания ноздрей, в каторгу, за то, что принял духоборчество вместе с двумя другими солдатами 23-го Егерского полка в 1811 году. [2]) Характерно самое обращение к Дмитриеву, которое делает в своем письме Бурнашев: он называет его Иванушка, и также уменьшительно называет и Терентьева, хотя и тот и другой были уже стариками. Духоборцы обычно называют друг друга по имени, ласкательно его уменьшая.

Надо думать, что обвиняемые, сговорившись между собой, решили придерживаться тактики запирательства.

---

[1]) Гл. 21, стр. 10.

[2]) Ливанов, т. IV, стр. 353.

17

Как было уже упомянуто, в самом начале, будучи спрошены в волостном правлении, Иван Дмитриев, Петр Верещагин, Семен Перевалов и Дмитрий Семенов заявили, что они не признают обрядов и учения православной церкви. На следствии же они от этого заявления отказались. Иван Дмитриев при этом решил воспользоваться для об'яснения своего поведения известной народной поговоркой о том, что тот, кто много читает Библию, сходит с ума.

Будучи спрошен заседателем, Иван Дмитриев показал, что ему 67 лет, он ссыльнопоселенец из помещичьих крестьян, был сослан в работы с наказанием кнутом за промен фальшивой ассигнации, грамотен. В Мальтийской слободе он живет 12 лет, раньше бывал у исповеди, а последние три года не был. С Бурнашевым он знаком, но „связи с ним не имеет" и зачем тот написал в своей записке к нему вышеприведенные слова, он не знает. Вместе с тем он подтвердил, что на некоторое время уклонился от церкви, но обяснил это так: „Есть ли в течении нынешнего лета не ходил он в церковь, молитвоприношения не делал месяца только полтора, то от того, что, читая собственную книгу под названием Библия священного писания, пришел в безумие, но, пришел после того в здравый рассудок, религию православных христиан начал исполнять по настоящее время в точности и на будущее время отвергать не намерен. Вышеозначенная Библия имеется у него издавна и он делал замечательные для себя на

особой бумаге некоторых текстов выписки, отобранные у него священником Амвросовым. На очной ставке с Гусевским Иван Дмитриев подтвердил свое показание, что от Бурнашева духоборчества он не принимал, и сказал, что Верещагина, Перевалова и Семенова он отвращал от православия, сделавшись от многого чтения Библии несовершенным в уме". [3])

---

[1]) Арх. Ирк. Дух. Консистории. Дело о распространении беспоповской секты пропитанным Федором Бурнашевым, л. 22.

[2]) Там же, л. 34 об.

Выписки, о которых говорится в этом показании, приложены к делу. Они написаны в тетрадке в восьмую долю листа на двадцати страницах. Повидимому это заметки, которые делал Дмитриев во время чтения Библии, по своему характеру несколько отличающиеся от тех выписок текстов, подобранных определенно с целью защиты своего вероучения и проповеди, которые не редко делаются сектантами. Правда, в тетрадке Дмитриева есть выписки, сделанные, очевидно, для подкрепления некоторых положений духоборческого учения (о непочитании икон, против постов, против священников — о книжках и фарисеях), но вместе с тем сделаны записи, не имеющие такого значения, например, выписана родословная Иисуса Христа, перечислены по порядку все книги, входящие в состав Библии, и т. д. Последняя выписка наводит на мысль, что Иван Дмитриев, читая библию, в это время не достаточно ее знал и, точно учащийся, старался закрепить в памяти ее состав и порядок книг.

Другие обвиняемые дали показания в том же духе, как и Иван Дмитриев.

Крестьянин Петр Верещагин, 27 лет, грамотный, в минувшем году бывший у исповеди, показал, что он, хотя и знает Бурнашева, но не был им совращаем с истинного пути. По научению Ивана Дмитриева действительно, одно время отступил от православия, но затем, после увещания со стороны священника, решил возвратиться к церкви. Кроме крестьян Семена Перевалова и Семена Дмитриева никого от православной церкви не отвращал.

Крестьянин Семен Перевалов, 24 лет, неграмотный, бывший у исповеди больше года тому назад, подтвердил, что Дмитриев и Верещагин склоняли его прекратить почитание икон, так как иконы являются делом рук человеческих, и хотя он недели три и не ходил в церковь, однако „отвержения от христианской религии не делал, да и сделать того не намерен.

Такие же показание дал и Дмитрий Семенов, крестьянин, 25 лет, неграмотный.

Опрошенные заседателем свидетели не прибавили ничего существенного к показаниям обвиняемых. Священник удостоверил, что Петр Верещагин был у исповеди и причастия в 1820 году, Семен Перевалов — в 1821 году, Дмитрий Семенов — у одной исповеди в 1819 году и Иван Дмитриев — у одной исповеди 7 лет тому назад. Был сделан повальный обыск, результаты которого были благоприятны для обвиняемых: односельчане показали, что все они „поведения добропорядочного и в противных поступках замечены не были".

Заседатель признал следствие законченным и 29 ноября известил земский суд, что Бурнашева и Дмитриева он отправляет в Иркутск «в окрепях», за надлежащим присмотром, а остальные оставлены на месте без права отлучаться до решения их дела судом.

Окружной суд, рассмотрев 29 декабря переданное из земского суда дело Бурнашева, ссылаясь на указ Александра I, по которому должны подлежать суду отступившие от православия, не за их веру, а лишь за поступки, нарушающие порядок и благочиние, нашел, что это дело не подлежит его ведению, и переслал его в консисторию, при чем Бурнашев и Дмитриев были освобождены из тюрьмы и переданы в ведение городской полиции.

Консистория признала, что Бурнашев, не сознавшийся в отвращении кого либо от православия, данными следствия в этом не изобличен, а так как за исповедание духоборчества он уже наказан ссылкою в Иркутскую губернию, то дело его надлежит считать законченным. Вместе с тем было постановлено обратиться к гражданской власти с просьбою, подвергнуть Бурнашева строгому надзору, чтобы он „как твердо закоснелый в своей секте не мог на будущее время рассеивать своего лжеучения и преподавать неискус-

ным в знании христианского закона сумасбродных правил»[1])

Дело Бурнашева, однако, этим не окончилось. Повидимому, он принадлежал к числу тех людей, которых не удается смирить ни наказанием ни послаблением, и, не всегда решаясь действовать открыто, все же неустанно продолжал распространять свои взгляды. Меньше, чем через год после того, как Бурнашев и Дмитриев были освобождены из тюрьмы и вернулись в деревню, о них было начато новое следственное дело, очень напоминающее предыдущее.

Дело это также хранится в архиве иркутской духовной консистории и имеет такой же характер: оно содержит в себе переписку консистории с судебными и административными властями, рапорт священника, увещевавшего Бурнашева, следственное производство земского суда, пересланное в консисторию и заключающее в себе показания обвиняемых, свидетелей и результат повального обыска, наконец,

имеются резолюции архиерея и губернатора. Кроме того, к делу приложено в подлиннике сделанное в 1825 году заявление аптекарского ученика Захарова о том, что он оставляет православие под влиянием Бурнашева.[2])

Дело это также возникло по инициативе мальтинского священника Амвросова. В ноябре 1823 года он обратился в Бадайское волостное правление с заявлением, что привлекавшиеся в 1822 году к следствию духоборцы опять „сами совращаются и других к тому приводят". При этом он сослался на слова матери одного из обвинявшихся прежде в духоборчестве, Дмитрия Семенова, которая рассказала, что Федор Бурнашев и Иван Дмитриев уговаривают Петра Верещагина, Семена Перевалова и ее сына Дмитрия, „стоять в отвержении веры христианской твердо", говоря, что

---

[1]) Там же, л. 100.

[2]) Архив Ирк. Дух. Консистории. Дело по сообщению ирк. гражд. губернатора о прикомандировании депутата к произведению следствия о духоборцах Бурнашеве и Окованцеве. Дело 4-го ст. за 1823 г. № 110.

они могут теперь ничего не бояться. Таким образам они успели обратить в духоборчество второго сына Семеновой — Ивана — и крестьянина Павла Окованцева, совратив их „злословием веры христианской".

Далее священник Амвросов писал, что он допросил обвиняемых, причем один из них сказал, что они обратятся за защитой к губернатору. Все они решительно заявили, что не признают церковных обрядов и отказываются от православия, „хотя прежде" — писал священник Амвросов „и ходили в церковь молиться богу, только, говорят они, единственно для того, чтобы показать один вид, боясь упреков народных и моих побуждений". Об этом священник просил волостное правление донести „кому следует, а духоборцев или бунтовщиков иметь в строгом наблюдении" [1]) Так же, как и в предыдущем году, волостное правление довело об этом до сведения земского суда, который и предписал заседателю произвести следствие.

Федор Бурнашев на допросе подтвердил, что он был в доме Павла Окованцева, когда приезжал из своего села продавать сработанные им женские ботинки, но в духоборческую секту его не обращал. Такое же показание дал и живший вместе с Бурнашевым шестидесятичетырехлетний старик духоборец Иван Терентьев, показавший, между прочим, что он поселился в Билинтуйской слободе после того, как был освобожден от каторжной работы вследствие своей физической слабости. Другие обвиняемые, раньше отрицавшие то, что принадлежат к духоборческой секте, на этот раз открыто об этом заявили. Иван Дмитриев, утверждая, что он не обращал в духоборчество крестьян Окованцева и Семенова, показал, однако, что сам он „обряды церкви точно отрицает и обратиться никогда не намерен". Петр Верещагин также

показал, что он состоит в духоборческой секте и добавил, что

[1]) Там же, л. 3.

„научен оной от Иисуса Христа, а Бурнашев и Дмитриев его не научили"[1]).

Такое же показание дал и Семен Перевалов, тоже заявивший, будто Бурнашев и Дмитриев не склоняли его к принятию духоборческой секты, „но что он в церковь не холит и иконы святые не почитает, то сие верно потому, что он поклоняется святому богу. Обратиться в грекороссийскую веру не желает, а научился духоборчеству от премудрости божией"[2]).

Интересную подробность можно отметить в показании Дмитрия Семенова. При предшествовавшем следствии он был неграмотен, а теперь показал себя грамотным, пояснивши, что „грамоте научился читать со вступления в духоборческую веру". Подобно другим обвиняемым он заявил, что „научен духоборческой секте Иисусом Христом по книгам божьим"[3]) Мать Дмитрия Семенова, со слов которой свящ. Амвросов написал свое донесение, подтвердила, что „сын ее, Петр Верещагин и Семен Перевалов читают какие-то книги и богу не молятся и иконов не почитают". О другом своем сыне Иване она сказала, что он „приписался к брату" и тоже не молится богу.

Спрошенный по этому поводу Иван Семенов, оказавшийся неграмотным семнадцатилетним юношей, действительно заявил, что он „иконов и церковь не почитает и о сем ему никто не внушал, а сам собою дошел"[4]). Иначе держал себя на следствии другой юноша, племянник Петра Верещагина, двадцатилетний Семен Верещагин, который показал, что дядя склонил его примкнуть к духоборческой секте, но он оставил ее через полмесяца, по уговору отца. Священник Амвросов взял с него характерную подписку, в которой говорилось, что он был соблазнен „по глупости своей и незрелому рассудку, но по внушению старших и лучших меня разумом узнал, что духоборческая

[1]) Там же, л. 21 об.
[2]) Там же, л. 22.
[3]) Там же, л. 22 об.
[4]) Там же, л. 24.

ересь есть ложная и самая пагубная, почему даю сию подписку с тем, чтоб впредь к

оной не обращаться и не иметь никакого общения с оными духоборцами. Если окажусь паки, то подвергаю себя штрафованию духовному и гражданскому".[1]) .

Наконец, вновь обращенный крестьянин Павел Окованцев, 26 лет, неграмотный, показал, что он „духоборческую секту принял с год и научен богом, а не людьми" и что „сборище у них нигде не было". Жена его добавила к этому показанию, что узнала об обращении своего мужа в духоборчество, так как он перестал молиться богу и „развратом к сему служил"[2]).

Духоборцы, привлеченные к следствию, на этот раз были очень упорны в своих убеждениях, и все старания назначенного для увещевания их депутатом к следствию священника Попова оказались тщетны. В донесении своем в консисторию свящ. Попов с семинарской витиеватостью писал о постигшей его неудаче: „сколько я и следователь ни употребляли мер и, свидетельством священного писания, сколько ни обличали оных, но по упорству их закоснелому в сей ереси, никак склонить и убедить их не могли".

Эту свою неудачу он приписал влиянию Бурнашева и Дмитриева „по слову евангельскому волков, которые, будучи в 1822 году оставлены свободными от следствия, стали явно расставлять для других сети, в которые сами запутались"[3]). Поэтому свящ Попов пришел к выводу, что Бурнашева и Дмитриева надо удалить куда нибудь с места их жительства. Возможно, что к таким же выводам пришли и местные власти; по крайней мере, повальный обыск, произведенный ими среди крестьян, дал на этот раз иные результаты, чем год тому назад. Относительно Ивана Дмитриева крестьяне показали, что, так как он «имеет развращенное поведение, а более сего избегая, дабы не мог он

---

[1]) Там же, л. 38.

[2]) Там же, л.

[3]) Там же, л. 40 об.

более учить разврату в обществе нашем нащет исповедания веры христианской, просить, его, Дмитриева, главное начальство удалить из сей слободы, куда начальству угодно будет". Относительно остальных духоборцев их односельчане написали, что они „поведения хорошего", однако, их следует куда нибудь переселить, „дабы не могло произойти и еще от их таковых обстоятельств и разврату прочим христианам своей веры"[1]).

Произведя повальный обыск, заседатель признал следствие законченным, и 23 января 1824 года известил об этом иркутский земский суд. В своем об'яснении он писал, что обвиняемых „дабы от них не были рассеиваемы плевелы духоборческой секты", он приказал под строгим присмотром по одиночке отправить в Иркутск.

Дело однако, приняло такой же оборот, как и в прошлом году: окружной суд, куда оно было направлено из земского суда, нашел, что, так как указами Александра I отступающих от православия предписывается судить „не за раскол, но за внешние поступки", связанные с нарушением благочиния, а этого в действиях обвиняемых нет, то они и не подлежат судебному преследованию. Поэтому суд направил все дело в консисторию для духовного воздействия на обвиняемых. Здесь они были подвергнуты увещеванию, в результате которого духовные власти решили прибегнуть к более строгим мерам, чем это было сделано год тому назад. Двадцать четвертого апреля 1824 года иркутский архиерей обратился к губернатору с отношением, в котором сообщал, что после многих увещеваний Бурнашев и Дмитриев остались непреклонными и просил поступить с ними, как с лжеучителями. Остальные же крестьяне Мальтийской слободы „по своей простоте и невежеству не опасны для других, к тому же подают некоторую надежду к обращению и. потому могут быть оставлены на месте".

[1]) Там же, л. 42.

25

Власть гражданская немедленно пошла на встречу власти духовной. Через два дня иркутский губернатор известил иркутского архиерея о том, что отдано предписание Бурнашева и Дмитриева поселить в Верхнеудинском округе, в дальнем старообрядческом селении, под надзором начальства, а остальных обвиняемых считать свободными.

Лишь об одном из этих крестьян удалось найти упоминание в следственном деле, производившемся спустя почти двадцать лет. В 1843 году, молодой крестьянин Константин Яковлев, отец которого за совращение в духоборчество жены и детей был сослан в отдаленный край Сибири, по словам его приходского священника, проживал большею частью в Мальте „у содержащего духоборческую секту крестьянина Дмитрия Терентьева Семенова"[1]). Водворенный в Тайтурское селение, Константин Яковлев самовольно ушел опять к Дмитрию Семенову и при увещевании „решительно отрекся от православной веры" и предложил донести о его непреклонности от духоборческой секты по принадлежности"[2]).

Дело Бурнашева имело свой эпилог. Через 4 года, в феврале 1828 года, лекарский ученик Захаров, живший в Усолье, попал своему приходскому священнику заявление, в котором „для бывших и даже впредь могущих возникнуть опросов" об'явил, что он принимает духоборчество. Далее он писал, что принял это вероучение от Федора Бурнашева, который, поучая его, сравнивал себя со спасителем мира. При этом Захаров писал, что он опасался как бы при расследовании его дела не пострадал кто-нибудь невинно и именно поэтому упоминает о Бурнашеве. "Веру духоборцев Захаров называл „светилом, сияющем в темном месте", однако, все заявление его было написано так,

[1]) Арх. Ирк. Дух. Консист. Дело I стола, начатое в 1838 г. за № 78, л. 87 об.
[2]) Там же, л. 88 об.

точно имелось ввиду создать повод для обвинения Бурнашева.

Во всяком случае консистория, куда было переслано приходским священником это заявление, постановила, вытребовав Захарова для увещания, в то же время ходатайствовать перед губернским правлением о немедленной высылке Федора Бурнашева в Верхнеудинский округ.

Вскоре после того губернатор известил архиерея о том, что предписано Федора Бурнашева немедленно выслать за Байкал в отдаленнейшее из старообрядческих селений. Вместе с тем губернатор пояснил, что Федор Бурнашев и Иван Дмитриев были еще в 1824 году высланы в Верхнеудинский округ и находились там в продолжении трех лет. Лишь в 1827 году им было разрешено вернуться. Разрешение это было дано, вследствие прошения Ивана Терентьева, „имевшего с ними в совокупности домообзаведение, который по старости и слабости не мог иметь за хозяйством своим должного надзора и ходатайствовал о возвращении означенных духоборцев из удаления"[1]). Сведений о дальнейшей судьбе Федора Бурнашева и его единомышленников не имеется.

Иван Терентьев, повидимому, не пытался проповедывать свое вероучение — по крайней мере, в обоих делах об отпадении в духоборчество, он остается в стороне. Таким образом мы видим, что один ссыльный духоборец, Федор Бурнашев в продолжение одного или двух лет сумел решительно отклонить от православия пять или шесть человек. Это обстоятельство наводит на мысль, что местное население Сибири, в котором мало распространены религиозные искания, все же не до такой степени было к ним глухо, как это принято думать. И в более позднее время можно отметить такие же случаи распространения духоборчества между местными жителями, хотя в общем эти случаи носят эпизодический характер.

[1]) Там же, дополнительный лист без переметы.

II.

В царствование Александра I, как было уже сказано, значительная часть духоборцев, сосланных в Сибирь, получила возможность вернуться в Россию. Как велико было

количество тех, кто не мог присоединиться к своим единомышленникам, сказать трудно. Надо, однако, думать, что число таких духоборцев было не велико. В прошениях, которые подавали духоборцы, жившие на Молочных Водах, Александру I, с просьбой о возвращении к ним их единоверцев из Сибири, указывалось всего около 20 человек. Списки эти были очень не полны, но сибирские власти, выполняя приказ государя, в значительной степени удовлетворившего эти ходатайства, вместе с тем иногда отсылали на Молочные Воды и тех, кто в этих тисках был пропущен.

Правда, не все даже включенные в списки получили возможность вернуться, но можно предполагать, что таких людей было очень немного. Если бы ссыльные духоборцы были более многочислены в Сибири, списки были бы более обширны, тем более, что, по-видимому, между сибирскими духоборцами и жившими на Молочных Водах поддерживалась некоторая переписка. Этим объясняется, что в прошениях, поданных Александру I упоминается и о двух духоборцах, принявших это вероучение уже в Сибири и ранее не имевших связи с теми кто жил на Молочных Водах. С другой стороны, если бы количество сибирских духоборцев, не вошедших в списки, было бы велико, местные власти, вероятно, не решились бы отправлять их в Россию вместе с поименованными, не получивши определенного распоряжения от центральной власти об общем переселении на Молочные Воды, находящихся в Сибири духоборцев. Поэтому можно думать, что число духоборцев, бывших к концу царствования Александра I в Сибири, не превышало нескольких десятков человек.

28

При Николае I это число могло несколько увеличиться. Увеличение могло произойти двояким путем: благодаря добровольному переселению и вследствие ссылки. То тяжелое положение, в которое были поставлены в это время сектанты в России, вызывало у них стремление уходить на окраины. В Сибири, особенно в западной ее части, имелись места, где можно было жить, пользуясь значительным благосостоянием, и иногда сектанты переселялись сюда добровольно. Как это могло происходить, показывает один эпизод из истории переселения в Сибирь иудействующих, которые так же, как и духоборцы, считались в это время особо вредной сектой и жили в России отчасти в тех же местах, где было распространено и духоборчество.

В бывшем архиве генерал-губернатора Восточной Сибири сохранилось секретное дело, возникшее по поводу письма, посланного сосланным в Сибирь сектантом-иудействующим к своему родственнику в Бобровский уезд Воронежской губернии. Письмо это, помеченное 17 марта 1840 года, показывает, что при Николае I сектанты, принадлежавшие к категории особенно вредных, иногда сами переселялись в Сибирь, и его стоит привести тем более, что оно интересно в бытовом отношении.

„Прошу покорно, любезнейший племянничек, Панкрат Ефимьевич, не покинь наших

деток, есть ли не покинешь, не оставит вас Бог. А мы наслышаны, вы просились сюда, то проситесь, сколько сил ваших станет, как можно. Здесь жить можно, я живу свои домом один только с своей дочкою, Настасьей Васильевной, имею коров около десятка, лошади две. Нашей секты душ более сотни в одной деревни, и закону притеснения нет. Которые вам известны семьи пошли на кавказскую линию Ермилова, Шешлянникова, они пришли к нам. Они сказывали, кавказские линии все поступит (sic) в казаки, именно верно. Уведомите нас о своих обстоятельствах, как можно. Если станете,

писать, на конверте надпись: в Красноярскую губ., в г. Минусу, мещанину Афанасию Григорьевичу Сапункову"[1]).

При производстве следствия, возникшего благодаря перлюстрации переписки иудействующих, выяснилось, что в Енисейскую губернию из Воронежской прибыло 88 душ иудействующих с отпускными бумагами, данными им их помещиком графом Безбородко-Кушелевым. Вместе с тем, от управляющего имениями этого помещика поступило заявление, что в Енисейскую губернию бежали крепостные крестьяне в количестве 38 душ своим родственникам, сосланным в Сибирь за принадлежность к секте иудействующих[2]).

Духоборцы могли переселяться в Сибирь при Николае I, таким же образом. Как было уже сказано, можно предположить, что и те переселенцы с Кавказа, жившие в Красноярском округе, среди которых в 1819 году в связи с делом Бурнашева нашлось 46 духоборцев, приняли духоборчество еще в России. Однако, если духоборцы и могли попадать в Сибирь путем добровольного переселения, то, вероятно, лишь в очень ограниченном количестве: главная часть духоборцев находилась до начала сороковых годов на Молочных Водах, где им жилось сравнительно спокойно, остальные российские духоборцы тяготели к этому своему религиозному и общественному центру, и вряд ли среди них нашлось бы много людей, пожелавших удалиться добровольно в Сибирь.

Более вероятным было увеличение числа духоборцев в Сибири при Николае I, благодаря ссылке. Указом 10 апреля 1826 года предписывалось ссылать в

---

[1]) Центральный Архив Восточной Сибири. Дела бывшего архива ген.-губ. Восточной Сибири. Дело о переписке между раскольниками иудействующей секты и бежавших некоторых из них из Енисейской губ. К. IV, д. № 67.

[2]) Ц. А. В. С. Дела бывшего архива ген-губ. Восточной Сиб. Дело о письме, посланном поселением иудействующей секты без обозначения имени и фамилии из Минусинска к Настасье Яковлевой в Бобров. К. IV. д. № 71, л. 9.

Сибирь тех перешедших в секту духоборцев крестьян, которые были непригодны к отдаче в солдаты, и кроме того, конечно, сюда должны были ссылаться на работу в рудниках все, приговариваемые к каторге за кощунство и по другим обвинениям такого же рода, часто пред'являвшимся сектантам, непочитающим иконы. Однако, вскоре после воцарения Николая I излюбленным местом ссылки сектантов стала не Сибирь, а Закавказье, где они были достаточно изолированы от остального русского населения, и в то же время полезны правительству в качестве колонизаторов.

Случаи ссылки в каторгу по обвинению в кощунстве также не могли быть среди духоборцев особенно часты, потому что большая часть духоборцев, находившаяся на Молочных Водах, жила довольно обособленной жизнью, мало соприкасаясь с остальным населением, и потому было меньше случаев для возбуждения подобного рода судебных дел.

И так, рассуждая a priori можно сказать, что хотя количество духоборцев в Сибири при Николае I могло увеличиться, но незначительно.

В нашем распоряжении имеются и некоторые оффициальные статистические данные, относящиеся к этому периоду, но пользоваться ими можно лишь с очень большой осторожностью. 26 февраля 1826 года министр внутренних дел, на основании повеления Николая I, секретно предписал всем губернаторам доставлять ежегодно к 1 января в министерство внутренних дел сведения о количестве имеющихся в их губерниях старообрядцев и сектантов. При этом было дано и наставление о том, как следовало собирать эти данные. Ведомости предписывалось составлять «не ввиде открытой переписи, но под рукой, без малейшей огласки... Нужные сведения для составления оных заимствовать частным образом в городах и селениях от членов, избираемых в разные общественных

должности и от приходских священников»[1]). Такого рода способ собирания сведений не мог, конечно, привести к сколько нибудь точному выяснению количества сектантов и старообрядцев. Форма, по которой должны были писаться ведомости, была приложена к циркуляру и составлена так, что неминуемо должна была привести к ошибкам, при отнесении старообрядцев и сектантов, к тому или иному определенному течению. Образец, присланный из министерства, заключал такие рубрики: 1) старообрядцев, приемлющих священство, 2) раскольников разных согласий, не приемлющих священства, но поклоняющихся иконам, 3) духоборцев, молокан и иконоборцев, не приемлющих священства и не поклоняющихся иконам, 4) субботников или жидов, приемлющих вместо крещения обрезание, 5) скопцов.

Таким образом в одной рубрике сливались воедино духоборцы, молокане и другие рационалисты, отвергающие поклонение иконам, а в другую могли быть зачислены и сектанты иудействующие и евреи, собирание сведений о которых вряд ли имелось в этом случае ввиду. Кроме того, некоторые секты совершенно были пропущены в этой ведомости, и местные власти могли произвольно подводить их последователей под ту или иную рубрику.

Материалы центрального архива Восточной Сибири показывают, что на местах не всегда строго придерживались этого подразделения и придумывали иногда очень странные наименования.

Так, например в „Ведомости о старообрядцах и раскольниках разных согласий и сект по Иркутской губ." за 1832 год в городе Верхнеудинске значатся три „старообрядца ветхого завета"[2]), а в такой же ведомости за 1827 год в селе Никольском Верхнеудинского округа, „девять духоборцев, не приемлющих

[1]) Ц. А. В. С. Дело по высочайшим повелениям о доставлении ведомостей о числе раскольников и старообрядцев. К. I, д. № 14, л. 2.

[2]) Там же, л. 158.

священства, но поклоняющихся иконам"[1]), которые, впрочем, в следующем году обозначены, как не поклоняющиеся иконам[2]).

Такого рода ошибки заставляют лишь очень осторожно пользоваться этими ведомостями, но все же, по крайней мере, поскольку речь идет о Сибири, сектанты по большей части являлись ссыльными, которых легче было учесть, этими материалами, до известной степени, возможно воспользоваться. Но необходимо при этом сопоставлять данные, относящиеся к одним и тем же пунктам за разные годы, и принимать за верные, хотя бы приблизительно, лишь .цифры, между которыми при этом не обнаружится резких противоречий.

Подсчет, произведенный по разным ведомостям за 1826 год, показывает, что «духоборцев, молокан и иконоборцев" во всей Восточной Сибири в это время было 138 человек [3]) Интересно отметить, что среди них имеются 57 человек, живущих в Туруханском крае в деревне Мирной. Количество сектантов из этого поселения и самое его название, типичное для деревень, построенных сектантами, заставляет думать, что мы имеем в этом случае дело с сектантским поселком. Сектанты, относящиеся к этой группе (духоборцев, молокан и иконоборцев), оказываются даже в очень отдаленных местах: в Охотске (Камчатская обл.) значится три человека [4]), и в Якутске — 2 человека,

Произведя такие же подсчеты за 1828 год, мы

[1]) Там же, л. 27 об.

[2]) Там же, л. 51.

[3]) В это число не входят значащиеся в селе Бурнашевским Верхнеудинского округа 56 человек духоборцев, так как в ведомости за другие годы они обозначаются просто, как раскольники, и, повидимому, являлись старообрядцами беспоповцами.

[4]) Повидимому, о этих трех духоборцах есть сообщение в одном небольшом деле архива иркутской консистории, из которого видно, что, по крайней мере, раньше на Камчатке были и другие духоборцы или сочувствовавшие им. Охотский благочинный рапортом от 5 февр. 1827 г. сообщает иркутскому епископу Михаилу: «я намерен отправиться в солеваренный завод, где, будучи в прошлом годе, нашел таковых духоборцев целое гнездо, которое, хотя и раззорил, но не искоренил до основания —

получаем цифру, близкую к предыдущей — всего 159 человек. Некоторое увеличение между прочим можно об'яснить тем, что в этом году показаны 17 человек „духоборцев молокан и иконоборцев" в Нерчинском округе, сведения о котором не были представлены в предыдущем году. Количество сектантов этой группы в Туруханском крае остается прежним и лишь в следующем году оно повышается до 70 человек (39 мужчин, 31 женщина). [1])

Итак, по оффициальным данным в 1827 и 1828 году всех сектантов, отвергавших почитание икон, в Восточной Сибири, от Туруханского края до Камчатки включительно было около 150 человек. Если предположить, что духоборцы составляли половину этого числа, то и тогда их количество равнялось бы всего 75 человекам. Но надо думать, что духоборцев в ссылке было меньше, чем молокан, потому что, как было уже сказано, будучи сосредоточенными по большей части на Молочных Водах, они реже приходили в соприкосновение с остальным населением и, следовательно, против них реже могли возникнуть обвинения, вызывавшие ссылку в Сибирь.

Если даже предположить, что количество сектантов, показанное в ведомостях, должно быть несколько увеличено, так как некоторые могли содержаться в качестве арестантов в тюрьмах и не попасть в это исчисление, все же можно думать, что духоборцев в

— еще остались два человека, упорные и закоснелые в своем мнении, Пименов и Пономарев, небезизвестные и Вашему высокопреосвященству».

В том же рапорте благочинный сообщает и о третьем духоборце, ссыльно рабочем Баранове, находящемся на работах в Охотском порту, которому благочинный читал увещание, написанное еп. Михаилом для обращения духоборцев к «пути истинного богопознания», после чего, по словам благочинного, Баранов, бывший до того непоколебимым в своих мнениях, из сына противления ныне сделался сыном послушания» и стал принимать от священника благословение. Арх. Ирк. Дух. Консист., дело об увещании раскольников в Охотском порту. Дела 1 стола за 1827 г., № 53, на 2-х листах.

[1]) Ц. А. В. С. Дело о поведении государственных преступников, находящихся в Сибири. К 11, Д. № 26, л. 383, об.

Восточной Сибири в это время было всего несколько десятков человек.

Таким образом оффициальные статистические данные подтверждают те предположения о количестве духоборцев в Сибири в начале царствования Николая I, которые можно сделать и не пользуясь этими, вообще говоря, недостаточно достоверными материалами

Если произвести подсчет по ведомостям, относящимся к несколько более позднему времени — 1832 и 1833 годам — можно получить приблизительно такие же данные. Так, по ведомостям за 1832 год количество духоборцев, молокан и иконоборцев исчисляется в 127 человек. Правда, эта цифра, несомненно, является неполной, так как по Иркутской губ. духоборцы показаны вместе со скопцами, и мы не можем выяснить, сколько именно их было в этой местности. В 1833 году количество духоборцев, молокан и иконоборцев по оффициальным данным, как показывает подсчет, исчислялось в 185 человек, из которых также, как и в предыдущем году, 74 человека значились в Туруханском крае. Об'ясняется ли это повышение неточностью сведений и к какому году относится происшедшая при этом ошибка, или мы имеем дело с увеличением количества ссыльных, в том и другом случае число духоборцев, находившихся в это время в Восточной Сибири, по оффициальным данным, должно быть признано очень незначительным.

Если бы при таком небольшом количестве ссыльных духоборцев в Сибири, в это время здесь совершенно не наблюдались бы случаи обращения из православия в духоборчество, в этом не было бы ничего удивительного. Тем не менее, такие случаи все же были, и относительно одного из них мы имеем архивные материалы, позволяющие составить себе о нем довольно полное представление.

О деле этом имеется краткое сообщение в книге С. В. Максимова «Сибирь и каторга». [1]) Рассказывая

[1]) С. В. Максимов. Сибирь и каторга. Изд. 3, СПб., 1900, стр. 258.

о каторжанах, отбывавших наказания за религиозные убеждения, С. В. Максимов говорит о двух духоборцах, обративших в свою веру нескольких служителей нерчинских заводов и за это вновь преданных суду. По своему обыкновению, С. В. Максимов делает свое сообщение, не давая указаний на источники, откуда им были взяты эти сведения, и даже не упоминая о том, когда именно произошел такой случай, и потому сообщение его не имеет научного значения.

В бывшем архиве генерал губернатора Восточной Сибири имеется дело, озаглавленное „о духоборцах, в Восточной Сибири находящихся, об определении мер наказания их и о назначении места поселения." [1]) Дело это, дошедшее до нас в полной сохранности, содержит в себе разные бумаги, касающиеся сектантов. Причем рядом с документами о духоборцах имеется и переписка об обнаружении скопцов, отступлении в старообрядчество пробирного ученика Гамаюнова и о других аналогических случаях.

Значительную часть этого дела составляет переписка по поводу отступления от православия в духоборчество нескольких служителей нерчинских заводов, которая производилась с одной стороны между управлением генерал—губернатора Восточной Сибири и начальником нерчинских заводов, горным отделением и другими местными учреждениями, с другой стороны между генерал—губернатором и министерством внутренних дел. Переписка эта интересна в двух отношениях: она позволяет установить некоторые подробности дела об отступлении в духоборчество служителей нерчинских заводов и, вместе с тем, показывает, как произошло постановление государственного совета о духоборцах, принятое 13 января 1836 г., которым определялось отношение власти к духоборцам и молоканам, и как оно применялось в Сибири.

Кроме того, в центральном архиве Восточной

[1]) Ц. А. В. С. Дела б. арх. ген.—губ. В. Сиб, к. 6, д. 124.

Сибири имеются военно судные дела служителя нерчинских заводов Павла Кухтина, обратившегося в духоборческую ересь и судившегося в 1834[1]) году, и других служителей, судившихся в 1836 году[2])

Первое дело сохранилось полностью и содержит в себе 22 пронумерованных листа, скрепленных подписью аудитора. Впоследствии оно, повидимому, два раза соединялось вместе с другими бумагами в одно большое дело и сверх первой переметы листов имеется другая (с 460 до 482 листа), и, затем, третья перемета, начинающаяся с 530 листа. Надо думать, что это общее дело заключало в себе все бумаги, касающиеся обращения в духоборчество служителей нерчинских заводов, так как до нас дошли подшитые к военно-судному делу Кухтина бумаги, содержащие краткое его изложение, опись военно судного дела, как показывает перемета листов (458—460), повидимому, непосредственно к нему примыкавшего, и переписку между иркутским губернатором и конторой нерчинских заводов, судя по перемете листов (482-487), следовавшую за ним в том общем деле, которое до нас целиком не дошло.

Второе военно судное дело „об обратившихся из православия в духоборческую секту служителях Меньшагине и прочих", тоже дошло до нас в целости. Первоначально оно содержало 66 нумерованных листов и 4 не нумерованных, а затем,

так же, как и предыдущее, дважды подшивалось с другими бумагами, причем вторая перемета листов начинается с 339—го листа, а третья с 465-го листа.

Таким образом каждое из этих дел представляет собою единое целое, дошедшее до нас в порядке, и может быть вполне изучено, но вторая и третья пе-

---

[1]) Ц. А. В. С. военно-судное дело о недаче к окрещению младенца служителем Павлом Кухтиным и о дерзости его.

[2]) Там же. Военно-судное дело о совратившихся из православия в духоборческую секту. Дела эти, повидимому, попали в центральный архив Восточной Сибири из архива начальника нерчинских горных заводов и еще не внесены в опись.

ремета листов показывают, что не хватает других дел, которые были с ними соединены вместе. По всей вероятности, недостающие бумаги заключали пока еще не найденные и, может быть, не сохранившиеся, материалы, касающиеся дел тех духоборцев, которые обратили в свою веру служителей нерчинских заводов и судились в Нерчинском окружном суде вместе с женами, обращенных ими служителей, и переписку между начальником нерчинских горных заводов, генерал-губернатором Восточной Сибири и разными учреждениями, возникшую в связи с этим случаем. Вместе с тем, повидимому, в это общее дело входили и другие дела, возникавшие на нерчинских горных заводах об отклонении от православия, по крайней мере, сличая, хранящееся в Ц. А. В. С. «военно судное дело пробирного ученика Савватия Гамаюнова», также имеющее тройную нумерацию листов, можно убедиться, что оно входило в это же общее дело и шло перед делом Меньшагина. [1])

Дошедшие до нас материалы позволяют довольно отчетливо представить себе, как началось и производилось дело об обращении в духоборчество служителей нерчинских заводов.

В мае 1833 года начальник нерчинских горных заводов прислал генерал—губернатору Восточной Сибири донесение о происшедшем на заводах необычном случае: когда понадобилось при новом служебном назначении привести к присяге служителей рудоразборщика Лазарева и кожевенного ученика Меньшагина, они отказались принять присягу и заявили, что „делам рук человеческих не поклоняются". При произведенном дознании выяснилось, что они и некоторые другие служащие, вместе со своими семействами, при-

---

[1]) Ц. А. В. С. Военно-судное дело, произведенное над пробирным Учеником Савватием Гамаюновым, оказавшемся по суду виновным в отречении православной греко-российской веры и в принятии старообрядческой секты. Решено 21 января 1836 г. По одной перемете — листов 247-338, по второй — л. л. 337-464. Несоответствие в количестве листов по обоим переметам об'ясняется канцелярской ошибкой.

няли духоборчество. „А как все они", говорилось в донесении, „ссылаясь на священнее писание из Библии и, по безграмотству своему, не могли еще основательно утвердиться в сей секте (быв научены до службы ссыльными Яровенко и Кудрявцевым) [1]), то, при увещевании их со стороны духовного и светского чинов и старших их родителей и родственников с принятием приличных мер к оштрафованию, все оставили принятую секту, по прежнему обратились к православной церкви и приняли присягу, кому из них должно было дать оную". [2])

Доводя об этом до сведения генерал губернатора, начальник нерчинских заводов писал, что оставил дело без последствий, причем будет тщательно следить за выполнением данной обратившимися подписки. Меньше, чем через год, оказалось, что все, давшие подписку, решительно отступили от православия. Постом 1834 года, когда духовное правление нерчинского завода прислало в заводскую контору „требование о высылке в Петропавловский собор для поста, исповеди и причастия" заводских служителей, — то служители Павел Кухтин с женою и двумя сыновьями, три брата Меньшагиных с женами, Христофор Кузнецов с женою, Лазарев, Суходолин и девица Татьяна Гибанова говеть отказались. В заводской конторе они заявили, что в прошлом году они дали подписку о своем согласии оставаться в православии «лишь по одной наружности», а теперь оставить секту духоборцев ни за что не согласятся. Поститься, исповедываться и причащаться они решительно отказались, заявив, что все это „исполняют внутренно по принятой духоборческой секте, которую они почитают истинною верою." [3])

---

[1]) Заключенные в скобки слова написаны карандашом на полях. Они не верны — из дальнейшего ясно, что духоборцы Яровенко и Кузнецов обратили служителей в свою веру не до службы их, а во время службы.

[2]) Ц. А. В. С. Дело о духоборцах, в Восточной Сибири находящихся К. IV. д. 124, л. 2.

[3]) Там же, л. 6.

Доводя об этом до сведения генерал-губернатора, начальник нерчинских заводов испрашивал указаний, что делать с отступившими от православия. Генерал-губернатор предписал своей канцелярии сделать выборку из законов и, повидимому, в ближайшее время ответа не дал.

Между тем в Нерчинском заводе произошел случай, осложнивший дело. У служителя Павла Кухтина родилась дочка, которую он решительно отказался дать для крещения. Будучи вызван по этому делу в духовное правление, Павел Кухтин прошел

по паперти в шапке и рукавицах и, войдя в присутствие, отказался снять шапку перед зерцалом. Духовное правление обратилось с донесением к гражданской власти, и 14 апреля 1834 года начальник нерчинских заводов назначил над Кухтиным военный суд, „чтоб не подавать поводу ему и другим подобным ему духоборцам к примеру впредь пущаться в подобные законопротивные продерзости". [1])

Суд состоялся 28 мая того же года. На суде Кухтин показал, что он уроженец нерчинского завода из мастеровых, 44 лет, на службу поступил еще в 1806 году, неграмотен. По формулярному списку Кухтина оказалось, что он под судом и штрафом не был. В об'яснение своего поступка Кухтин заявил, что прошел по паперти в шапке и рукавицах, так как «обряды, совершаемые в православной церкви, не признает душеполезными». Далее он подтвердил, что действительно вошел в духовное правление в шапке и рукавицах, и, когда присутствовавший там протоиерей указал на зерцало, то он ответил, что это писанное руками человека и шапки не снял. „Все сие" — показывал Кухтин — „сделал я потому, что по секте своей никогда не могу поклоняться делу рук человеческих, однако же, закон и власть начальства чту и почитаю". [2])

---

[1]) Ц. А. В. С. Военно-судное дело о недаче к окрещению младенца служителем Павлом Кухтиным в о дерзости его, Л. 2.

[2]) Там же, л. 12 об.

В виду ясности дела военно-судная комиссия не сочла нужным допрашивать свидетелей и вынесла приговор: было постановлено наказать Кухтина шпицрутенами, прогнав его через тысячу человек 3 раза. Такое наказание по существу являлось почти незамаскированным смертным приговором и начальник нерчинских заводов нашел нужным его смягчить: прогнать Кухтина через пятьсот человек два раза и „порок сей занести в формуляр".

Был ли этот приговор приведен в исполнение, из дела не видно. Генерал—губернатор, которому приговор был отправлен на конфирмацию, нашел, что комиссия, осудившая Кухтина, руководясь воинским артикулом, применила „пункты слишком общие", и предложил по этому поводу на усмотрение министерства свой проэкт мероприятий, в котором главное место среди наказаний отводилось ссылке в отдаленный край, а для распространителей ереси, сверх того, полагались плети и шпицрутены.

Проэкт генерал-губернатора лег в основание дальнейших мероприятий по отношению к сибирским духоборцам. Государственный Совет 13 января 1836 года вынес постановление, являющееся лишь переработкой этого проэкта. Было постановлено духоборцев и молокан иметь под особым присмотром, предавая вновь

обратившихся ссыльных и каторжан суду и ссылая: первых — в отдаленный край, где для их поселения должны быть отведены особые места, а вторых — в особый завод. Каторжанам из духоборцев и молокан, обличенным в распространении своей веры, срок ссылки удлинялся на пять лет. Далее предписывалось сибирских жителей, обращающихся в духоборчество и молоканство, годных к военной службе — отдавать в солдаты в отдаленные отряды сибирского корпуса, а остальных — ссылать в отдаленные места. Обратившиеся в православие до приговора освобождались от суда, а покаявшиеся после приговора избавлялись от наказания, но селились в пределах Сибири

и не могли уехать в Европейскую Россию. Отпавшие вторично граждане и поселенцы ссылались навсегда в отдаленнейший край Сибири, каторжане — на пять лет в каторгу, затем — на поселение в отдаленнейший край на вечные времена. Приговоры по таким делам предписывалось до выполнения их вместе с подлинными делами отправлять для утверждения в министерство внутренних дел.

После получения этого постановления генерал-губернатор Броневский вошел в министерство с докладом, предлагая отдать Кухтина в солдаты или отослать в отдаленнейший край Сибири, если он окажется негодным к военной службе. Предложение это было утверждено и 29 декабря 1837 года нерчинской заводской конторе было предписано уволить Кухтина из сторожей, обрить ему бороду и выслать его в Иркутск для отдачи в солдаты или для ссылки в Туруханский край. Через 2 дня Кухтин уже был отправлен в Иркутск. Таким образом Кухтин был сослан больше, чем через три года после суда, и не ясно, был ли он в свое время прогнан сквозь строй или оставался это время без наказания.

Постановление государственного совета о мерах наказания сибирских жителей, вступающих в духоборчество, ускорило и дело тех заводских служителей, которые приняли духоборчество одновременно с Кухтиным.

В апреле 1836 года делу дан был ход и произведен допрос обвиняемых. Первым был допрошен служитель Самсон Меньшагин, который показал, что ему 26 лет и что до 22 лет он был православным, затем принял духоборчество от ссыльного Алексея Яровенко, с которым он вместе работал в кожевенном заводе. Ссыльного Василия Кудрявцева он и другие, обратившиеся в духоборчество, признавали за старшего брата и, когда он жил у них около пяти месяцев, то пропитывали его, по возможности, и снабжали одеждой и вещами. Другого ссыльного, Григория Медведева,

который приходил к ним в кожевню, они „не приняли в свое общество по его распутству". О своих религиозных взглядах Самсон Меньшагин высказался совершенно прямо: „Верю и поклоняюсь Троице святой одним духом, не почитаю никакого изображения на иконах, к чему и детей своих приучаю, церковь Божью я содержу в одном своем духе, а рукотворенных зданий, то есть святую церковь и изображениев на святых иконах, как я выше показал, не принимаю и впредь не намерен содержать сначала принятой мною от святого крещения исповедание веры". Относительно подписки о возвращении в православие, которая была им дана в 1833 году, и от которой он, вместе с другими, отступился в 1834 г., Самсон Меньшагин показал, что дал ее „от убеждения и наказания розгами со стороны моих родителей, однако ж душевного моего к сему предмету совершенного тогда расположения не было и теперь нет"[1]).

Совершенно такое же показание дали и братья Самсона Меньшагина — Алексей Меньшагин, 35 лет и Филимон Меньшагин, 29 лет. Оба они также показали, что дали в 1833 году подписку с обязательством вернуться в православие от того, что родители наказывали их „лозами".

Далее был допрошен сын Павла Кухтина, Глеб, 19 лет, который заявил, что отошел от православия по научению ссыльных Яровенко и Кудрявцева. „Духоборческую секту — показал он — содержу и впредь буду содержать непременно"[2]). Совершенно такое же показание дал и его 18-ти летний брат Перфилий. Софрон Лазарев, 27 лет, и Карп Суходолин, 43 лет, также показывали, как и Самсон Меньшагин, причем первый сказал, что родители заставили его дать подписку в 1833 году, наказывая его розгами, а второй, что родители его при этом убеждали и устрашали.

---

[1]) Ц. А. В. С. Военно-судное дело о совратившихся из православия в духоборческую секту Л. 10.

[2]) Там же, л. 14.

Все допрошенные оказались неграмотными. Все они были местными уроженцами. Жены их обратившиеся в духоборчество, привлеченные к гражданскому суду, почти все дали однотипные показания: они сказали, что приняли духоборчество по научению мужей и оставят его лишь в том случае, если оставят его их мужья. Наконец, девка Татьяна Гибанова, 49 лет, дочь заводского служителя, показала, что она приняла духоборчество по научению Алексея Яровенко и перейти в православие не намерена, а подписку в 1833 году дала „с примеру и согласию прочих".

Вслед за тем были допрошены ссыльные, обвинявшиеся в том, что обратили заводских служителей в православие. Оказалось, что Яровенко и Кудрявцев сосланы были в Сибирь первоначально совсем не за духоборчество и, повидимому, лишь на

каторге приняли это вероучение.

Алексей Яровенко показал, что он имеет 50 лет от роду, происходит из господских людей Воронежской губ., прислан в 1830 году по делу о фальшивых ассигнациях, причем наказан был кнутом

„По приводе в здешние заводы" — показывал Яковенко — „читавши библию священного писания, толковал из нее нужное для спасения души — из десяти заповедей, данных Моисею, пророков, евангелия и святых апостолов; из всего того священного писания уразумел, что един есть бог бессмертный, он сотворил человека по образу и по подобию своему и даровал от себя дух истины, в чем я удостоверяюсь, равно и в том, что Иисус Христос воплотился чрез духа святого от Девы Марии, пострадал за грехи человека, был распят и потом вознесся на небо. Итак, я верую в троицу святую, т. е. во имя отца и сына и святого духа, и нераздельно поклоняюсь единому богу, однако же одним духом, а рукотворенным, т. е. святой церкви и изображениям на святых иконах не поклоняюсь и не признаю за спасение чрез их души своей, к чему при нахождении моем при Чалбучинской кожевне поучал

при чтении из того ж священного писания служителей Самсона, Филимона и Алексея Меньшагиных, Павла Кухтина с детьми, Христофора Кузнецова, Софрона Лазарева, Карпа Суходолина и девку Татьяну Гибанову".[1]) Оказывается, что Яровенко также дал в 1833 году подписку о том, что оставляет духоборческую секту, причем сделал это „по примеру и согласию прочих".

В показании Яровенко можно отметить две не совсем типичные для российских духоборцев черты: исходным пунктом его исканий является библия, которую он усиленно читает и изучает, тогда как российские духоборцы обычно такого решающего значения библии не придают. Такое же отношение к библии можно отметить и у Бурнашева и Дмитриева, привлекавшихся к следствию в 1822 и 1823 годах. Является вопрос — не оттого ли сибирские духоборцы больше опирались на библию, чем российские, что, будучи лишены непосредственной связи с своей религиозной общиной, должны были искать себе поддержку в книге. Далее надо отметить, что об Иисусе Христе Яровенко говорил, как о сыне божьем, действительно распятом и воскресшем. Этот взгляд так же не совсем типичен дня духоборцев и тоже может быть об'яснен оторванностью сибирских духоборцев от общины, вследствие чего религиозные воззрения их могли уклоняться от общего типа. Мог бы возникнуть вопрос, действительно ли мы имеем в этом случае дело с духоборчеством, а не просто со свободным духовным христианством, более близким к учению молокан, чем к учению духоборцев, но данные о личности другого обвиняемого, Василия Кудрявцева, позволяют думать, что перед нами действительно духоборцы, хотя, может быть, кое в чем и отличающиеся от своих российских единоверцев

Из показаний Василия Кудрявцева и сведений о

[1]) Там же, л. 2', об.

нем, данных нерчинской заводской конторой, видно, что он был в это время шестидесятилетним стариком и что он являлся уроженцем Саратовской губернии. Он происходил из духовного звания, но в молодости был взят в солдаты. За подачу просьбы на ротного командира он подвергся телесному наказанию и был сослан в Сибирь, здесь за неоднократные попытки бежать, связанные с воровством (вероятно, во время побега) и уносом казенных вещей, он в 1806 году по наказании кнутом был отправлен в нерчинские заводы, а потом в Петровский завод.

Содержась в Петровском заводе вместе с другими колодниками, Кудрявцев познакомился с Осипом Матросовым и принял от него духоборчество В 1809 году он, вместе с Осипом Матросовым и Мартыном Кокодеевым (?), был отдан под суд за принадлежность к духоборчеству и присужден к наказанию 120 ударами кнута, но остался непреклонен. После этого, судя по справке, он был обвиняем лишь в 1811 году в побеге и в питье спирта, за что и был наказан плетьми, а затем в продолжение девятнадцатилетнего пребывания на каторге, вплоть до 1830 года, не был замечен ни в каких проступках. В этом году тюремное начальство обвинило его в том, что он не подал донесения о каких-то ворованных вещах, повидимому, обнаруженных в той камере, в которой и он содержался, и за это ему дали 40 ударов розгами. В 1832 году он был освобожден от каторжных работ. Кудрявцев не отрицал того, что, познакомившись с Павлом Кухтиным и другими заводскими служителями, он доказывал им истинность духоборческого учения и уверил их в этом.

Сведения, сообщенные Кудрявцевым, подтверждаются и из других источников. Среди духоборцев, отправленных из Сибири на Молочные Воды после ходатайства, поданного в 1818 году духоборцами

Александру I, значится и Осип Матросов[1]). В 1819 году, подавая государю дополнительное прошение о своих сосланных единоверцах, духоборцы, жившие на Молочных Водах, включили в него и Василия Кудрявцева и Мартына Козодоева — повидимому, того самого, который был, по словам Кудрявцева, вместе с ними с Осипом Матросовым, наказан кнутом и, вероятно, вследствие описки переписчика именуется в записи показания Кудрявцева „Кокодеевым" [1]).

По сведениям, присланным в министерство внутренних дел сибирским генерал-губернатором в связи с этим прошением. Василий Кудрявцев был рядовым Саратовского гарнизона, действительно, сосланным в Сибирь за подачу жалобы на ротного командира, а Мартын Козодоев сослан из Харьковской губ за принятие духоборческой ереси.

Наконец, был допрошен Григорий Медведев, тот ссыльный, о котором Самсон Меньшагин и другие обвиняемые показали, что он к ним приходил в кожевню, где они работали, но они не приняли его в свое общество вследствие его распутства. Григорий Медведев показал, что он прислан из Харьковской губ. и по рождению принадлежал к духоборческой секте, но сослан был в Сибирь за грабеж. По его словам, обвиняемые знали, что он „по рождению духоборец". „Однако ж" — показывал он — „по важности моего преступления не имели со мною никаких о той секте разговоров и в общество свое не принимали"[1]).

На основании этих следственных данных Самсон, Филимон и Алексей Меньшагины, Христофор Кузнецов, Карп Суходолин, Софрон Лазарев, Глеб и Перфил Кухтины, как служители каторжных заводов, были преданы военному суду, а дело остальных обвиняемых было направлено в нерчинский окружной суд. 23 мая

---

[1]) Материалы для истории русского сектантства. Дело о духоборах, находящихся в Сибири. Рязань, 1897, стр. 4.

[2]) Ливанов, т. IV, стр. 353.

[3]) Ц. А. В. С. Военно-судное дело о совратившихся в духоборческую ересь, д. 23, об.

1836 года военная судная комиссия приступила к слушанию дела, которое оказалось очень не сложным; все обвиняемые подтвердили свои показания, данные на предварительном следствии и, как один, заявили: „принял духоборческую секту, которую почитаю за истинную, а потому поныне содержу и впредь желаю остаться в оной навсегда"... [1]). В виду ясности дела комиссия, заслушав показания обвиняемых, приступила к „сочинению сентенции" и, на основании уже упомянутого постановления государственного совета от 13 января 1836 года, приговорила всех обвиняемых к отдаче в солдаты в отдаленные отряды сибирского войска. Генерал-губернатор Броневский утвердил этот приговор, о чем и довел до сведения министерства внутренних дел. Однако, министр нашел, что генерал-губернатор нарушил тот пункт постановления государственного совета, которым предписывалось все приговоры такого рода для утверждения направлять в министерство. Кабинет министров подтвердил, что правило это должно строго соблюдаться. Далее, 6 июля 1837 года, рассмотрев судебный приговор, кабинет министров нашел его неправильным, полагая что обвиняемые, как нарушившие данную ими в 1833 году подписку о том, что они будут верны православной церкви, должны считаться совратившимися вторично, и

потому подлежат вместе с женами ссылке на вечное время в отдаленнейшие места Сибири. Вместе с тем комитет министров постановил избавить от наказания Алексея и Филимона Меньшагиных, изъявивших после суда желание вернуться в православную церковь.

Из этого же отношения министерства внутренних дел к генерал-губернатору мы узнаем и приговор по делу Яровенко и Кудрявцева, утвержденный комитетом министров: Яровенко было постановлено „отправить в один из рудокопных заводов, назначенных собственно для раскольников сего рода, и там иметь его

[1]) Там же, л. 38.

под особым надзором, продлив ему пребывание в заводе сверх двадцатилетнего срока, вообще положенного для каторжан, еще на 5 лет", а Василия Кудрявцева было решено „отослать в одно из отдаленнейших и малонаселенных мест Восточной Сибири для поселения его преимущественно среди иноверцев".[1])

Таким образом окончательное решение по делу обращения в духоборчество служителей нерчинских заводов состоялось в июле 1837 года, т. е. больше, чем через три года после того, как они открыто отступили от православия. Однако, такое промедление произошло не от того, что административная власть не обращала внимания на такие случаи, а потому, что она придавала им чрезвычайно большое значение. Генерал-губернатор, который непременно должен был сноситься по такого рода делам с министром внутренних дел, послал уведомление об этом деле в министерство. Выработанный им проект положения о наказании отступающих в духоборчество сибирских жителей долго шел по разного рода инстанциям, пока, в январе 1836 года, государственный совет не принял соответствующее постановление. До этого времени делу об обратившихся в духоборчество на нерчинских горных заводах не давалось хода, но министерство внутренних дел не упускало его из вида.

Так, в мае 1835 года министерство запрашивает генерал губернатора о том, преданы ли суды Яровенко и Кудрявцев, виновные в обращении в духоборчество служителей нерчинских заводов, и, в ответ на донесение генерал губернатора о том, что произошло промедление вследствие неполучения соответствующие инструкций из министерства, в октябре того же года предписывает передать дело в суд. Тем не менее, когда генерал-губернатор утвердил состоявшийся приговор суда, министр внутренних дел, как мы видели,

[1]) Ц. А. В. С. Дело о духоборцах, в Восточной Сибири находящихся. Л. 212.

признал это неправильным, и по его докладу кабинет министров, подтвердив, что все приговоры по такого рода делам должны представляться на его утверждение, изменил решение суда. Таким образом даже отдаленность Восточной Сибири и особые полномочия, которыми пользовался ее генерал губернатор, не были приняты во внимание: делам об отпадении от православия придавалось такое значение, что предписывалось отправлять их для окончательного решения в Петербург, не смотря на происходившее из за этого промедление.

В связи с состоявшимся постановлением государственного совета о ссылке обращающихся в духоборчество и молоканство в места отдаленные, а вернувшихся в православие и отступивших от него вторично — в места отдаленнейшие, в канцелярии генерал-губернатора возникла переписка о том, куда именно отправлять отступающих от православия. Случай с Яровенко и Кудрявцевым, обратившими в духоборчество 9 служителей с их женами, заставил представителей власти подыскивать для духоборцев такие места, где они были бы совершенно изолированы от остального русского населения. Прежде всего у генерал-губернатора явилось предположение ссылать их в Якутскую область, но затем выяснилось, что здесь их пришлось бы поселить среди новокрещенных инородцев. Отправлять их в места, расположенные по берегу Ледовитого океана, где нет даже новокрещенных инородцев, было очень неудобно, как потому, что пересылка туда из за отдаленности расстояния очень затруднительна, так и потому, что места эти почти непригодны для жилья. Между тем генерал-губернатор нашел, что соседство отступивших от православия с новокрещенными инородцами крайне нежелательно, так как они могут обратить их в свое вероисповедание.

В виду этого генерал-губернатор остановился на мысли отправлять отступающих от православия в Туруханский край, куда их легче можно было отправить,

доставив по реке Енисею до тех мест, где нет христианского населения. Енисейскому губернатору было предложено выяснить этот вопрос, и он, в свою очередь, обратился с запросом к енисейскому окружному начальнику, предписав ему сообщить, в каких местах Туруханского края, не населенных христианами, можно было бы поселить ссылаемых сектантов, причем под последними губернатор подразумевал не только духоборцев, но и других, осуждаемых за религиозные убеждения, в частности, скопцов.

В своем ответном донесении окружной начальник подробно описывал местность, которую он считал подходящей для поселения „отшатнувшихся от православной веры," и в этом отношении его донесение довольно интересно.

Окружной начальник полагал, что такого рода преступников можно поселять только за Толстым Носом, где „почти нет никакого населения и где весьма изобильные звериные и рыбные промыслы, в чем единственно состоят занятия вообще у туруханских жителей; одно неудобство будет состоять в том, что нет там строевого леса, как в местах тундровых. Впрочем, местные жители довольствуются лесом, плывущим во время весны рекой Енисеем, который перенимают по воде или собирают выбрасываемый на берег или же скупают у купцов хлебные барки, из чего и выстраивают себе жилища, а таким образом могут делать и новые поселенцы. Хлебопашества во всем Туруханском крае не производится и жители довольствуются хлебом, привозимым енисейскими купцами из запасных магазинов, но поселения скопцов — не так в дальнем расстоянии от Толстого Носа, где находится магазин, и до этого места сплавляют купцы хлеба в значительном количестве. Они могут без большого отягощения приезжать туда за покупкою его и продавать свои избытки от промыслов в звере или рыбе. Можно бы поселять их и на том пространстве, которое состоит между Туруханском и Толстым

Носом, но здесь живут по всем зимовьям русские весьма в малом числе, между которыми находясь, скопцы и, будучи удалены от надзора местного начальства, они легко и свободно могут распространять свою секту". [1])

Далее окружной начальник сообщал сведения о расстоянии, отделяющем эту местность от Енисейска (от Енисейска до Туруханска 1056 верст, от Туруханска до Толстого Носа 1817 верст), и указывал, что хотя бы первых поселенцев необходимо снабжать пособием для первоначального обзаведения, а затем уже отправлять к ним новых поселенцев без пособия с тем, чтобы они служили в работниках у тех, кто поселен был здесь раньше, и устраивались самостоятельно после того, как заработают себе таким образом необходимые для этого средства.

Туруханский край, по крайней мере, в своей южной части, как уже приходилось говорить, и раньше являлся местом ссылки для духоборцев, но теперь они должны были селиться только около Ледовитого океана.

Естественно, что мысль отправлять отступающих от православия в такие местности Туруханского края, где нет жителей христиан, показалась вполне приемлемой, и генерал губернатор Восточной Сибири сделал соответствующее представление министру внутренних дел. Одновременно он направил туда содержавшихся в заключении в Иркутске 8 человек сектантов, вероисповедание которых точно не указывается, назначивши соответствующее пособие. В июле 1837 года министерство внутренних дел известило генерал губернатора, что к утверждению его предложения не встречается препятствий.

Повидимому, и осужденные служители нерчинских заводов, которых комитет

министров постановил сослать в отдаленнейшие места Сибири, были отправле-

[1]) Там же, л. 161.

ны в Туруханский край. По крайней мере, в деле Павла Кухтина, как было уже упомянуто, имеется указание, что, в случае непригодности к военной службе, он подлежал ссылке в Туруханский край.

Итак, подводя итоги, можно отметить в деле об отступлении в духоборчество служителей нерчинских заводов такие характерные для него черты. Оба духоборца, обратившие в свою веру служителей нерчинских заводов, были ссыльные, которые сами приняли духоборчество уже в Сибири. Несмотря на это, они сумели внушить своим новым единомышленникам большую твердость: из десяти осужденных покаялись лишь двое, да и то уже после суда, на котором они были тверды. Все, обращенные в духоборчество служители заводов были местные уроженцы, все они были неграмотны и с Библией знакомились со слов, убеждавших их в правильности духоборческого вероучения, ссыльных. Они пред'являли к тем, кто хотел к ним присоедениться, требования этического характера: ссыльного Медведева, рожденного в духоборческой семье, но сосланного за грабежи, по их словам, отличавшегося распущенностью, они отказались принять в свою среду.

Далее следует отметить, что дело заставило представителей власти обратить серьезное внимание на надзор за духоборцами. В конечном счете именно оно вызвало постановление государственного совета, которым определялись меры наказания для жителей Сибири, обращающихся в духоборчество, и в некоторых случаях во избежание дальнейшего распространения этого вероучения предписывалось ссылать их в такие места Сибири, где совсем бы не было православных. Донесение енисейского окружного начальника хорошо показывает, каковы были условия жизни в тех местностях, которые казались администрации наиболее пригодными для поселения духоборцев. Наконец, этот случай наглядно показывает, какое большое значение при Николае I придавалось борьбе

с сектантством: министерство внутренних дел в продолжении нескольких лет следит за ходом дела нескольких человек, перешедших в духоборчество и, несмотря на отдаленность Сибири, комитет министров решительно отстаивает свое исключительное право утверждать судебные приговоры по обвинению в отступлении

от православия, отказываясь допустить конфирмацию их генерал—губернатором.

Было бы желательно проследить и другие случаи, относящиеся к этому времени, но, к сожалению, у нас имеется о них слишком мало данных. Тем не менее можно утверждать, что описанный случай обращения в духоборчество на нерчинских заводах не был единственным, хотя, судя по официальным данным, количество содержавшихся на этих заводах каторжан духоборцев было очень невелико. [1]) Так, по архивным материалам видно, что в 1835 году на нерчинском Кутомарском заводе возникло дело по обвинению рядового линейного сибирского баталиона Куниловского и ссыльного Петра Ильина, обратившихся в духоборчество, причем во время производства следствия был обнаружен еще один духоборец, ссыльный Петров, утверждавший, правда, что он принял духоборчество еще до ссылки. [2]) Куниловский покаялся, двое же других были отданы под суд, но о приговоре по их делу у нас сведений нет. Можно назвать так же несколько аналогичных дел, возникавших и в других местах.

В 1834 году в Иркутске возникло дело пропитанного Ивана Яковлева, обвинявшегося первоначально в том, что он не дал окрестить своего ребенка, а позднее — в 1838 году — в том, что он

---

[1]) В «Ведомости о старообрядцах и раскольниках разных согласий и сект по нерчинскнм горным заводам по 1-е число октября 1833 года» значится духоборцев 12 мужчин и три женщины. Ц. А. В. С. Дело по высочайшим повелениям о доставлении ведомостей о числе раскольников и старообрядцев. К. I. д. № 14, л. 176.

[2]) Ц. А. В. С. Дело о духоборцах, в Восточной Сибири находящихся. Л. 131.

обратил в духоборчество и свою жену, которая в то время, когда возникло первое его дело, была еще православной. Иван Яковлев и его жена упорно отказывались изменить свои убеждения и, в конце концов, были приговорены к ссылке „в отдаленный и малонаселенный край Сибири" [1]).

Далее известно, что в 1836 году иркутским губернским судом были приговорены за принятие духоборчества к ссылке в отдаленные места Сибири семидесятилетний старик Федот Гаврилов, некий Емельянов и жена Гаврилова, впоследствии покаявшаяся и потому избавленная от ссылки. [2]) Но и об этом деле мы не знаем никаких подробностей. Известно также, что в 1840 году в Иркутске была присуждена к ссылке в отдаленный край Сибири за принятие и распространение духоборчества женщина — крестьянка Верхнеудинского округа Улита Тимофеева — и между административными учреждениями шла переписка о том, где именно отвести ей место поселения, но об этом деле у нас пока нет больше никаких сведений [3]).

Кроме того до нас дошли известия о случае уничтожения и поругания икон, причем производившие следствие власти находили следы влияния духоборцев.

Таково, например, дело ссыльного Ивана Неронова, который в церкви Петровского завода побросал на пол иконы, крича, что это идолы, и заявил, что храм — капище. На следствии Неронов несколько раз менял показания и, в конце и концов, стал утверждать, будто действовал в припадке душевной болезни, но выяснилось, что перед совершением своего преступления

---

[1]) Арх. Ирк. Дух. Консист. Дело по сообщению иркутского губернского правлении о духоборце Иване Яковлеве с его семейством. Дела I стола за 1838 г., № 91.

[2]) Ц. А. В. С. Дело о духоборцах, в Восточной Сибири находящихся, л. 135 и след.

[3]) Ц. А. В. С. Дело о назначении места ссылки крестьянке Улите Тимофеевой, сужденной за принятие духоборческой веры. К. XVIII, д. № 507.

жил в одной избе с ссыльным духоборцем и, по некоторым сведениям, был под его влиянием. [1])

Имеются и еще известия о такого же рода преступлениях, которые ставились в связь с распространением духоборчества, но, по большей части, они очень кратки и не дают достаточно материала для определенных заключений.

Дошедшие до нас архивные дела, несомненно, очень неполно отражают жизнь духоборцев в Сибири и содержат лишь отрывочные сведения о случаях отпадения от православия, происходивших под их влиянием. Многие материалы утрачены безвозвратно, другие пока не представляется возможности отыскать. Даже сохранившиеся до нашего времени дела заключают в себе указания на другие, которые должны бы были их дополнить, но исчезли бесследно. Поэтому можно утверждать, что были случаи обращения в духоборчество, о которых мы ничего не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. Но и те архивные материалы, которые до нас дошли, показывают, что духоборцы и в ссылке стремились распространять свою веру и попытки их не были безуспешны.

---

[1]) Архив Иркутской Духовной Консистории. Дело по рапорту священника, состоящего при нерчинских рудниках, Громова о повержении ссыльно-рабочим Нероновым в церкви на пол святых икон. Дела 4-го стола за 1834 г. № 50.